

фольклорный персонаж, связанный с зеркальными гаданиями и мезтью. *Кровавая* сохраняет мрачную коннотацию, но смягчает грубоватый оттенок (в английском *bloody* еще и ругательство). *Мэри* (а не *Мария*) дистанцирует персонажа от православного контекста, делая его «универсально-готическим». Такой подход балансирует между точностью и адаптацией, но при этом стилистически соответствует оригиналу.

Ключевым понятием в переводоведении, отражающим степень соответствия перевода оригиналу по смыслу, функции и воздействию на аудиторию является эквивалентность. Суть эквивалентности в передаче смысла через замену культурно-специфичных элементов на аналоги. Например, *Mermaid* — *Русалка*, *Dwarf* — *Карлик*, *Bloody Bones* — *Костяной Бабай*, *Munchkin* — *Лилиты*, *Jackalope* — *Лютокроль*. Например, *mermaid* — *русалка* представляет собой адаптацию через культурную эквивалентность. Английская *mermaid* чётко связана с морем и часто изображается с рыбьим хвостом. Русские *русалки* в традиционном славянском фольклоре — это духи воды, но не обязательно морские. Если бы перевод выполнялся калькированием получилось бы следующее: *mer* (море) + *maid* (дева) = *морская дева*. Но в русском языке используется слово *русалка*, так как оно является ближайшим культурным аналогом: в русской традиции нет точного соответствия «морской дева», но есть водный дух женского пола — *русалка*.

Некоторые эквиваленты имеют более одного устоявшегося перевода на русский язык. Например, *Jackalope* имеет несколько вариантов перевода. *Jackalope* — фольклорное существо из американской мифологии, гибрид кролика и антилопы, обычно изображаемый как заяц с оленьими рогами. Транслитерация Джекэллоп неочевидна для русскоязычного читателя, поэтому применяется совместно с описанием, раскрывающим образ. В то время как калькирование *Заяцелоп* частично передаёт суть гибрида, а также сохраняет структуру и юмор оригинала. Эквивалент *Лютокроль* создаёт аналогичный мифический образ, но с русским колоритом. Такой перевод уместен в славянском фэнтези, детских сказках и игровых вселенных. Следовательно, *Лютокроль* — радикальная, но художественно оправданная адаптация, которая сохраняет ключевые черты и создаёт новый культурный код.

Таким образом, иногда стоит отказаться от прямого эквивалента в переводе, поскольку другие способы перевода позволяют избежать культурного диссонанса, сохранить стиль и игру слов. Кроме того, при переводе передается не буквальный смысл, а эмоциональное содержание. Перевод должен читаться как оригинал, а не как перевод. Иногда для этого нужен не эквивалент, а творческое переосмысление.

**Заключение.** Проведенное исследование перевода культурно-маркированной лексики с английского языка на русский демонстрирует, что данный процесс требует комплексного подхода, учитывающего как лингвистические, так и культурологические факторы. Адекватная передача культурно-маркированных единиц требует выбора между семантической точностью, культурной адаптацией, сохранением экзотичности. Анализ примеров подтвердил, что оптимальный метод зависит от типа текста, целевой аудитории, коммуникативной цели. Таким образом, перевод культурно-маркированной лексики — это не поиск формальных соответствий, а процесс межкультурной медиации, где успех зависит от баланса между адекватностью, естественностью и творческой адаптацией.

#### Список цитируемых источников

1. Поповичева, И. В. Культурно-маркированная лексика на уроках РКИ (практический аспект изучения) / И. В. Поповичева // Экология языка и речи: материалы X Междунар. науч. конф., Тамбов, 8—9 дек. 2022 г. / науч. ред. А. Л. Шарандин; отв. за выпуск Г. А. Дьякова. — Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. — С. 111—114.
2. Dr Jessica Hemming. The Folklore Society // Devoted to the Study of Folklore and Tradition. — 2013—2025. — URL: <https://folklore-society.com> (date of access: 19.02.2024).
3. Бархударов, С. Г. Язык и перевод: вопросы общей и частные теории перевода / С. Г. Бархударов. — 2-е изд. — М., 2008. — С. 99—104.
4. Dictionary of the Irish language: based mainly on Old and Middle Irish materials // Electronic Dictionary of the Irish Language. — 2019. — URL: <https://dil.ie/> (date of access: 19.02.2024).
5. What's happening with the word "unicorn" // Dictionary.com. — 2019. — URL: <https://www.dictionary.com/e/unicorn-word-trends> (date of access: 19.02.2024).

УДК 821.111

А. В. Колушенкова

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет»,  
Минск, Республика Беларусь

### ТВОРЧЕСТВО ДЖОНА ХЕРСИ И «НОВЫЙ ЖУРНАЛИЗМ»: ЭВОЛЮЦИЯ ОТ ВОЕННОГО РЕПОРТАЖА К ЛИТЕРАТУРЕ ФАКТА

**Введение.** Джон Херси стал одной из ключевых фигур в истории американской журналистики, чье творчество, особенно знаменитая «Хиросима» (Hiroshima, 1946), не только изменили представление о том, как следует освещать трагические события мирового масштаба, но и предвосхитили многие черты движения «нового журнализма», которое сформировалось как самостоятельное направление лишь в 1960—70-х годах. Журналистский метод Херси, сочетающий тщательное документирование фактов с художественными приемами повествования, стал мостом между классической репортажной традицией и новой формой документальной литературы — литературой факта.

**Основная часть.** Джон Ричард Херси, родившийся в 1914 году в Китае в семье американских миссионеров, вырос в мультикультурной среде и позже получил образование в США. После окончания Йельского университета он работал иностранным корреспондентом для журналов “Time” и “Life”, освещая события в Азии, Европе и СССР. Во время Второй мировой войны Херси сопровождал союзные войска, пережил несколько авиакатастроф и получил благодарность от министра ВМС США. Этот опыт непосредственного очевидца и участника исторических событий позволил ему выработать уникальный подход к освещению военных действий и их последствий.

Переломным моментом в карьере Херси и в истории американской журналистики стала публикация его репортажа «Хиросима» в журнале “The New Yorker” 31 августа 1946 года. В отличие от прежних репортажей о бомбардировках Хиросимы и Нагасаки, фокусирующихся на статистических данных о разрушениях и жертвах, Херси избрал принципиально иной подход. Он провел три недели в мае 1946 года, интервьюируя выживших после атомной бомбардировки. Его повествование строится вокруг судеб шести конкретных людей, переживших ядерный удар, что переводит осмысление трагедии из абстрактно-цифровой плоскости в глубоко человеческое измерение [1, с. 142]. Этот подход — использование судеб отдельных людей как призмы для понимания масштабного исторического события — стал впоследствии одним из ключевых приемов «нового журнализма».

Новый журнализм — это направление, возникшее на стыке литературы и журналистики США во второй половине XX в. В этот период в американской литературе значительно возрос интерес к документалистике, реальному факту и невымышленным героям [2, с. 130]. Джон Херси, хотя и не причислял себя к представителям нового журнализма официально, своими работами заложил основы для многих приемов, которые позднее стали визитной карточкой этого направления. Проанализировав отмеченные Томом Вулфом, одним из основателей направления нового журнализма, типичные новой журналистике литературные приёмы [3, с. 56—57] и репортаж Джона Херси о Хиросиме, можно выделить следующие сходства:

1. Сценописательство. В «новом журнализме» сценописание становится инструментом погружения читателя в эпицентр событий через детализированное воссоздание обстановки. Аналогичный подход прослеживается у Херси в «Хиросиме», где первые часы после взрыва переданы через призму шести выживших, чьи маршруты по разрушенному городу создают многоплановую картографию катастрофы.

Однако если новые журналисты часто гиперболизируют детали для эмоционального воздействия, то Херси придерживается хронологической точности, фиксируя временные отметки с часовой точностью.

2. Реалистические диалоги. Использование разговорной речи в «новом журнализме» часто выходит за рамки прямой цитации, трансформируясь в инструмент психологического портретирования. Херси также использует данный литературный прием в своем репортаже, однако диалоги здесь становятся не столько средством коммуникации, сколько способом передачи травматического опыта.

3. Детальное описание. Приём новой журналистики, при котором журналист подробно фиксирует мелкие детали поведения, привычки и статусы персонажей, создавая живой и глубокий образ действующих лиц. В репортаже Джона Херси «Хиросима» этот приём проявлен очень ярко. Херси рассказывает о судьбах шести обычных жителей Хиросимы, подробно описывая их ежедневную рутину, реакции на взрыв и последующую жизнь. Он фиксирует мельчайшие детали их поведения, переживаний, отношения к трагедии, а также социальные и личные статусы героев — например, профессии, семейное положение, культурные особенности.

Сравнительный анализ выявляет, что метод Херси и практики нового журнализма представляют собой две фазы единого процесса литературизации документального нарратива. Произведения Херси демонстрируют осторожное внедрение художественных приёмов в военный репортаж, а работы писателей нового журнализма делают эти приёмы доминирующим принципом конструирования реальности. Однако это различие в степени, а не в сути: оба подхода бросают вызов традиционной журналистской объективности, предлагая вместо этого многомерную правду, сплетённую из конкретных человеческих опытов.

Этот переход от документальной строгости к художественной выразительности в репортаже Херси не возник на пустом месте. Еще до создания «Хиросимы» Херси продемонстрировал свой талант в соединении документалистики и художественной прозы в романе «Колокол Адано» (A Bell for Adano, 1944), повествующем о союзной оккупации сицилийского города во время Второй мировой войны.

В последующих работах Херси продолжил развивать свой подход. Его роман «Стена» (The Wall, 1950), описывающий восстание в Варшавском гетто, основан на реальных событиях, но при этом представляет собой личные истории выживания в Польше времен Второй мировой войны. Примечательно, что после выхода «Хиросимы» Херси в течение двадцати лет сосредоточился преимущественно на написании романов, но при этом продолжал использовать методы интервьюирования и исследования для создания фактической основы своих художественных произведений.

**Заключение.** Творчество Джона Херси стало важным этапом в развитии американской журналистики, объединив традиционное документирование с художественными приемами повествования. Его подход, основанный на рассказах конкретных людей и детальном описании их судеб, предвосхитил многие черты нового журнализма, став мостом между военным репортажем и литературой факта. Таким образом, Херси заложил основы нового жанра, который позволил передавать многомерную правду через живые человеческие истории, расширяя границы журналистской объективности.

#### Список цитируемых источников

1. Cronqvist, M. Journalism after mass death: Memory, mediation, and decentring in John Hersey's 'Hiroshima' (1946) / M. Cronqvist // *War Remains: Mediations of Suffering and Death in the Era of the World Wars* / ed. by M. Cronqvist, L. Sturfelt. — Kriterion, 2018. — P. 137—156.
2. Иванова, М. К. Курт Воннегут и новый журнализм / М. К. Иванова // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. — 2012. — № 1. — С. 130—136.
3. Вулф, Т. Новая журналистика и Антология новой журналистики / Т. Вулф ; пер. с англ. Д. А. Благова, Ю. А. Балаяна ; под ред. Э. У. Джонсона. — СПб. : Амфора, 2008. — 574 с.

УДК 81.111'38

А. М. Ленко, М. Е. Маслова  
Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,  
Барановичи, Республика Беларусь

### ПРОЗВИЩА ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ: СЛУЧАЙНОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ

**Введение.** Прозвища играют уникальную роль в языковой и культурной жизни народов мира. Они часто становятся неотъемлемой частью идентичности исторических личностей, служа символом их места в обществе и индивидуальных особенностей. В контексте современного информационного пространства прозвища приобретают статус своеобразных маркеров, способствующих быстрой идентификации личности и подчеркивающих ее актуальность и значимость в общественном сознании. Однако, несмотря на кажущуюся устойчивость, многие прозвища не являются статичными и могут изменяться под влиянием различных социально-культурных факторов, что делает их динамичным объектом лингвистического исследования.

Важность исследования производных имён в английском языке заключается в раскрытии их динамической природы, демонстрации взаимосвязи между эволюцией прозвищ и социально-историческими изменениями, а также в определении их роли как маркеров культурных и политических трансформаций. Материалом для исследования послужили 111 наименований, а именно прозвища 54 монарших особ и 57 премьер-министров Великобритании.

**Основная часть.** Производное имя — это знак признания человека, отметка его вклада и уникальности в глазах окружающих. Оно рождается в контексте социальных взаимодействий, отражая определенные характеристики человека: его внешний вид, характер, профессию, достижения или даже недостатки. Само наличие прозвища свидетельствует о том, что его носитель не остался незамеченным, а представляет собой активного участника определённого коллектива, в котором он получил данную номинацию [1, с. 109].

Производные имена играют многогранную роль в системе английской лингвокультуры, выполняя множество функций, выходящих за пределы простой характеристики индивидуальности, а также выступая главным инструментом формирования общественного мнения. Они выступают как инструмент, способный подчеркнуть как положительные, так и отрицательные черты личности, активно участвуя в формировании общественного мнения. Амбивалентность таких наименований порождает многомерные образы, которые оказывают существенное влияние на интерпретацию исторических событий и культурных феноменов.

Прозвища, в отличие от собственных имен, обладают динамичной природой, тесно связанной с социокультурными изменениями. В то время как собственные имена остаются относительно статичными, производные наименования несут в себе коннотативный заряд и подвержены постоянным трансформациям. Значение и эмоциональная окраска этих наименований зависят от общественного мнения, исторической интерпретации и влияния времени.

Среди ключевых факторов, способствующих этим изменениям, можно выделить изменчивость восприятия личностей в зависимости от различных внешних условий. С течением времени отношение общества к тем или иным деятелям может меняться, что отражается и на их производных именах. Непрерывная трансформация языка и его семантической структуры также влияет на значимость и употребление прозвищ. Следовательно, новые слова, обороты речи и смысловые оттенки могут привести к изменению значения производных наименований или даже к их полному исчезновению в культурной среде или языковых практиках, показывая их подвижный и контекстуально-зависимый характер.

Как указано выше, материалом для исследования послужили 111 производных имён значимых исторических деятелей. На основе полученного материала мы выделили две основные группы прозвищ.

Первая группа включает производные имена, которые первоначально имели одно значение, но со временем, под воздействием определённых обстоятельств или изменений в обществе, приобрели новое. Данное явление можно рассмотреть на примере прозвища, принадлежавшего британскому политическому деятелю, члену Консервативной партии Великобритании, премьер-министру Великобритании, Гарольду Макмиллану. Первоначально прозвище "*Supermac*" появилось в карикатуре Виктора Вайса для британской газеты "*Evening Standard*", с довольно пренебрежительной подписью: «Как попытаться остаться на вершине, не будучи на ней на самом деле». Карикатуры используют преувеличение, иронию и сатиру для критики или